

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию А.Ю. Коровкиной «Народная культура» в современном Тунисе: традиция в эпоху модернизации» (СПб. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2016) выдвигаемую на соискание ученой степени кандидата исторических наук (специальность 07.00.07 – этнография, этнология и антропология)

Даже неспециалисту, так или иначе, практически знакомому с Арабским миром, со всей очевидностью бросается в глаза особый, «этнографичный», характер населяющих этот регион народов – этим современные арабы коренным образом отличаются и от западноевропейцев, и от американцев, и от собственно русских. Причина такого феномена коренится в чрезвычайно важной роли, которую играет в арабских странах традиционная культура, в том числе и простонародная (термин академика А.Е. Крымского, касающийся письменного арабского фольклора) ее составляющая. В связи с этим, чтобы в какой-то мере познать современный Арабский мир в профессиональном отношении, следует постараться углубиться в народную культуру современных жителей арабских стран.

Прекрасный Тунис занимает особое место среди арабских стран и ал-Магриба, и ал-Машрика. Здесь цивилизация начала развиваться еще в глубокой древности, когда начатки ее были привиты древнейшим насельникам страны, ливийцам (предкам берберов), пришельцами из Восточного Средиземноморья, великими мореплавателями, торговцами и земледельцами, -- финикийцами. Современные тунисцы почитают финикийцев как подлинных «культурных героев» -- они принесли на тунисскую землю маслину и виноград, стали возводить каменные постройки,

основали города, научили коренных туниисцев многим полезным ремеслам, в том числе и мореплаванию. Финикийцы и их потомки карфагеняне, с точки зрения нынешних туниисцев, оставили в памяти современного туниисского народа благодатный след. Увы, этого нельзя сказать о римлянах – в национальной туниисской историографии они считаются колонизаторами, предшественниками французов. Таковы же были и византийцы. А вот что касается вандалов (само название которых вызывает у нас сугубо негативные ассоциации), то они, как считают туниисские историки, подобно финикийцам и карфагенянам, обращались с местным населением как с братьями. Так что арабы-мусульмане, изгнавшие с территории современного Туниса византийцев, подобно сынам Финикии и вандалам, установили с берберами, несмотря на некоторые первоначальные «недоразумения», братские отношения, распространили ислам и стали одним из важных элементов современного туниисского народа с его многогранной культурой. Правда, в XI в. страну (а также почти всю Северную Африку) разорили мусульмане же, арабы-бедуины племен бану хилал и бану сулайм, но их потомки так или иначе слились с основной массой туниисского народа (хотя, конечно, туниисцы помнят, чьи пращуры вырубали финиковые рощи, чтобы было где пасти верблюдов, а чьи, бежав из ал-Андалуса, разводили сады и строили мечети). В XVI в. Тунис, вполне естественно и органично, как запечатлено в туниисской исторической памяти, вошел в состав Османской империи. Конечно, впоследствии деи туниисские имели с Османским государством довольно слабые связи, да и окружение их было весьма разнородным, но и они содействовали кристаллизации современного туниисского народа. Эпоха французского владычества оставила в туниисской национальной памяти след негативный, однако значения ее в становлении современного облика страны отрицать невозможно. Такая богатая история позволяет современным туниисцам, будь то люди светские или сторонники партии *ан-Нахда*, с уверенностью утверждать, что в результате у туниисцев

выработался уникальный национальный характер, позволяющий им быть людьми терпимыми, открытыми всяческим веяниям и культурным воздействиям. Вот почему всестороннее и системное изучение тунисской культуры, в особенности же той ее стороны, которую принято называть народной, представляет важную научную задачу, имеющую большое практическое значение. Отрадно, что рецензируемая работа написана как раз в русле решения этой задачи.

Что касается меня самого, то мне довелось побывать в Тунисе трижды (в 1980, 1986 и 2003 гг.), и эта страна с ее самобытной культурой произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление. В 1986 г. я столкнулся с таким существенным феноменом ее народной культуры, как «желтые» книги, то есть, недорогие издания популярных традиционных сочинений, напечатанные на дешевой, «желтой», бумаге. Из Туниса, как мне удалось выяснить позже, такие издания проникали также, по крайней мере, в Алжир. Побывав в Тунисе в 2003 г. я с печалью убедился, что подобные книги исчезли из массовой продажи и, более того, уже более не печатаются. Причина того, по мнению местных наблюдателей, заключается в том, что, с одной стороны, стали главенствовать иные формы массовой (то есть, по сути, народной) культуры, а с другой -- народ потерял интерес к «желтым книгам» под влиянием исламистской пропаганды, трактовавших их как «не истинно исламское» и потому вредное явление. Таким образом я сам убедился в скоротечности изменений, происходящих в тунисской народной культуре. Как бы то ни было, мне удалось отдать должное «желтым книгам» -- мною были опубликованы, на основе тунисских простонародных изданий, академические переводы «Книги завоевания Йемена, известной как «Голова Гули» и «Благоуханного сада для духовных услад» шейха ан-Нафзави, а также выступить в прошлом году с докладом о собственном собрании

«желтых книг» на ежегодной конференции отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН.

Так что тема диссертации мне не чужда и не безразлична.

Актуальность рецензируемой диссертации, как мне представляется, заключается в следующем. Народная культура – одна из основ современной культуры арабских стран. Особенно велика роль народной культуры в Тунисе. Изучение тунисской народной культуры важно как в сугубо познавательном отношении, так и с точки зрения практического взаимодействия с этой страной. Тунисская народная культура изучена весьма недостаточно. Этот пробел в значительной мере заполняет диссертация А.Ю. Коровкиной. Вот почему ее труд актуален.

Степень достоверности научных выводов рецензируемой работы обеспечивается тем, что в основе исследования лежат принципы историзма, объективности и системности научного подхода. Обоснованность положений диссертации также подтверждается докладами на научных конференциях, публикациями результатов исследования в различных научных изданиях, в том числе в рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК.

Опираясь на довольно скудные достижения предшественников и свои собственные полевые исследования, диссертант, как мне представляется, предлагает некий системный подход к изучению тунисской народной культуры, в чем, собственно говоря, и заключается пафос моего отзыва. В этом, равно как и во введении в научный оборот значительного пласта первичного, полевого материала состоит **научная новизна** и самой диссертации, и сделанных ее автором выводов, и предлагаемых А.Ю. Коровкиной рекомендаций.

Итак, обращаясь собственно к рецензируемой работе, следует отметить, что она состоит из Введения, трех глав, Заключения. Списка использованной

литературы и весьма объемного Приложения, оформленного в виде отдельного тома, что встречается в кандидатских диссертациях довольно редко.

Во Введении (с 3 – 12) А.Ю. Коровкина определяет цели и задачи исследования, показывает степень изученности темы работы, анализирует научную литературу вопроса, формулирует вытекающую из этого анализа новизну работы, показывает источники, которыми она пользовалась при написании диссертации. Думается, что весьма сильной стороной рецензируемого труда является то обстоятельство, что диссертант опирается, главным образом, на собственные полевые материалы, собранные в ходе шести (!) полевых сезонов в Тунисе. Помимо того, ряд источников (записи телепередач, а также сборник тунисского сказочного фольклора) А.Ю. Коровкина вводит в научный оборот. Помимо того, как мне представляется, во Введении показано, что тунисская народная культура – это система.

В силу этого обстоятельства диссертант естественно и логично переходит к главе первой «Сложение традиции: «народная культура» доколониального Туниса» (с. 13 – 67), в которой показано, каким образом складывалась система тунисской народной культуры, рассматривая каждый из составляющих ее элементов. Важно подчеркнуть, что глава первая посвящена той эпохе развития тунисской народной культуры, когда еще не наступила фаза активной модернизации, начавшейся с установлением французского протектората.

Глава начинается с рассмотрения таких ключевых понятий, как традиции, этническая культура, культурная память, инновация, модернизация и прочие.

Далее А.Ю. Коровкина останавливается на этнокультурной и социальной природе доколониального тунисского общества. Она отмечает такие черты

этого социума, как весьма жесткая стратификация, значимость генеалогических связей как патрилинейного, так и матрилинейного характера, а также сохранение традиционного круга брачных предпочтений.

Далее вполне логично диссертант переходит к анализу традиционного социального статуса мужчины и женщины в доколониальном Тунисе. Автор диссертации убедительно показывает, что наряду с жесткими рамками гендерных ограничений, происходили смещения традиционных социальных ролей полов в сторону уравнивания их прав и обязанностей. Об этом свидетельствует высокий авторитет женщины в семье, существование женщин-правительниц и женщин-праведниц.

Как правило, традиционные общества характеризуются значительной ролью религии. Таковым был и социум доколониального Туниса. А.Ю. Коровкина показывает, что подавляющее большинство населения этой страны в ту эпоху придерживалось верований и обычаев так называемого «народного ислама». «Народный ислам», впитавший многие древние синкретические верования, охватывал (и до сих пор в значительной мере охватывает) практически все слои традиционного тунисского общества. Правда, автор диссертации демонстрирует, что «народный ислам» является не единой системой, но совокупностью локальных вариантов. Парадоксальным образом, подчеркивает автор диссертации, «народный ислам» был достоянием и того ограниченного привилегированного социального слоя, которому были известны принципы классического ислама – в основном, это были служители мусульманской религии, обладавшие особым богословским образованием.

Одной из сторон традиционных народных верований во многих мусульманских странах является магия. Как показано в рецензируемой работе, магическое мышление господствовало в традиционной культуре доколониального Туниса. Носителями магических навыков нередко были

«Божьи угодники» *аулийа*’, которые играли значительную роль практически во всех сферах тогдашней общественной жизни.

Еще одним важным элементом туниССкой народной культуры, как показано в рецензируемой диссертации, был институт сказительства, благодаря которому и бытовала местная фольклорная традиция. В силу популярности профессиональных сказителей место фольклора в культурной памяти современных туниССцев, убедительно констатирует А.Ю. Коровкина, остается весьма важным и до сего дня.

Подводя итоги исследованию, проделанному в главе первой, диссертант вполне логично делает ряд выводов. Важнейший из них, по моему мнению, заключается в том, что доколониальная туниССкая народная культура, как система, была весьма целостна и поэтому жизнеспособна. В то же время она отличалась высокой степенью консерватизма и ригоризма, так что, как подчеркивает А.Ю. Коровкина, в туниССком традиционном обществе доколониальной эпохи назрела необходимость перемен.

Глава вторая рецензируемой диссертации и посвящена тем постепенным переменам, которые произошли в туниССкой традиционной культуре со времени свержения французского протектората до общественно-политических перемен последнего времени («Модернизация в «народной культуре» ТуниССа: от колониального периода до революции 2011 г.»; с.68 -- 106).

В начале главы диссертант показывает, что изменения, произошедшие в ТуниССе с 1956 г. (тогда страна вновь обрела независимость) до 2011 г., носили качественно новый в своей основе характер. Сердцевиной этих перемен, как подчеркивает соискатель, является усиление индивидуалистического начала в социуме, когда персональные достижения и заслуги стали не менее значимыми, нежели происхождение человека. В

результате этого произошли значительные изменения в сфере семейных отношений (подрыв принципа эндогамии и гипергамии; уменьшение значения семейных генеалогий для обретения человеком общественного статуса).

Далее А.Ю. Коровкина останавливается на трансформации другого важного элемента традиционного общества – изменение социального статуса мужчины и женщины. Такие изменения, с одной стороны, явились следствием целенаправленной государственной политики, а с другой, следствием трансформаций внутрисемейных отношений – женщина теперь не только «часть семьи», но и индивид, она получает образование наравне с мужчиной и имеет возможность трудиться вне дома; повысился внутрисемейный статус женщины.

Также и в сфере религии, как показывает диссертант, произошли значительные изменения – наряду с общественными группами, которые привержены испокон веков существовавшим в Тунисе направлениям мусульманства, «народному исламу» и исламу классическому, появились те, кто исповедует умеренный ислам, и те, кто является сторонником светскости. В связи с этим полагаю, что А.Ю. Коровкиной, возможно, следовало бы выделить в качестве особой социальной группы сторонников политического ислама – это, думаю, мне, особенно важно в сфере той роли, которую исламистские силы сыграли в революции 2011 г.

Понятно, как показано в рецензируемой работе, что в свете подобных перемен в сфере культуры престиж магических практик в народе существенно понизился; колдуны уже не пользуются столь высоким авторитетом, как прежде. Помимо того, численность суфийских братств значительно сократилась, а культ *аулийа* во всем Тунисе значительно понизился. Одна из причин подобной ситуации коренится, с точки зрения соискателя, в том, что в Тунисе значительно возросла роль классического

ислама, образованные адепты которого (богословы) жестко критиковали так называемые «языческие обряды».

Далее диссертант показывает, что тунисский фольклор пережил в период активной модернизации глубокий кризис. Профессиональные сказители практически исчезли, а значительные сегменты фольклора оказались утраченными – в особенности те его пласты, которые были связаны с культом *аулийа* и деятельностью суфийских братств. Тем не менее, что совершенно справедливо, А.Ю. Коровкина подчеркивает, что к концу периода, рамками которого ограничена глава вторая, как со стороны политических организаций, научных кругов (и, добавим от себя, со стороны литераторов), а также со стороны самого общества проявляется интерес к устному народному творчеству. Интерес этот, показывает соискатель, выразился не только в сфере издательской, но и в области новых технологий (радио, телевидение, интернет), равным образом как и в художественно-организационной сфере (проведение фольклорных фестивалей и выставок, пополнение коллекций этнографических музеев).

Интересно отметить в связи с этим, что, напротив, в соседнем с Тунисом Алжире сказительство как социокультурное явление сохранилось в различных социальных средах и разных регионах страны, а также до недавнего времени сохранялось в Ливии (Североафриканское устное народное творчество и памятники арабского книжного эпоса в исследованиях ливийских и алжирских фольклористов. Обзор // Восток (Oriens). М.: Наука, 2013, № 1 (январь–февраль), с. 177–185.).

Должен сказать в связи с этим, что некое явление, укладывающееся в рамки тенденций, выявленных А.Ю. Коровкиной, мне довелось наблюдать весной 2004 г. в Дамаске. Там в одном из кафе, находившемся в Старом Городе, был возрожден институт сказительства -- некий пожилой человек исполнял перед посетителями народные романы и сказки из «Тысячи и одной

ночи». Местные знатоки народной культуры считали его самозванцем, утверждали, будто он в недавнем прошлом был официантом, а последний истинный дамаский сказитель скончался в конце 1950-х гг.

Возвращаясь же к рецензируемой работе, отметим, что заключение главы А.Ю. Коровкина показывает, каким образом радио, телевидение, а также аудио- и видеотехника становятся не только инструментами народной культуры, но и сферой ее бытования.

Подводя итоги исследованию, проведенному в главе второй, соискатель, среди прочего, отмечает образование двух мощных конкурирующих направлений -- модернизации и традиции (или традиционности). Поэтому вполне логично, что она рассматривает противоборство и взаимодействие этих двух тенденций в тунисской «народной культуре» сегодняшнего дня в рамках главы третьей рецензируемой диссертации, которая носит название «Традиция и модернизация в «народной культуре» современного Туниса: итоги и перспективы» (с. 107 – 166). . Значительным достоинством этой главы является то, что она написана, главным образом, на основе полевых материалов собранных лично А.Ю. Коровкиной.

Начиная главу с рассмотрения нынешней общественно-политической ситуации в стране, соискатель показывает, что сама по себе эта ситуация сложилась в ходе противоборства традиционалистической и модернизаторской тенденций в тунисском общественном сознании.

Далее автор показывает еще большую, чем прежде, степень разрушения традиционной стратификации общества. Она констатирует стремительный рост индивидуального сознания, который притом сосуществует с сохранением традиционных коллективистских общественных связей.

Остановившись на гендерной проблеме, соискатель отмечает наличие трех групп женщин в – тех, кто следует светскому, общественно активному образу жизни; тех, кто ведет предельно закрытый образ жизни, предписанный классическими религиозными установлениями; тех, кто внешне демонстрирует религиозность, но сугубо ради повышения собственного социального статуса. По наблюдению А. Ю. Коровкиной, на рубеже XX и XXI вв. две последние группы женской части населения Туниса существенно возросли. Такая ситуация в гендерной сфере, как показала автор, представляет собой один из элементов общественной тенденции к усилению классической мусульманской религиозности.

Следующий элемент современной тунисской народной культуры, на котором останавливается А.Ю. Коровкина, -- это магия. Она констатирует, что в нынешние времена, в силу усложнения условий социальной жизни, наблюдается рост числа клиентов профессиональных колдунов. Таким образом, диссертант фиксирует положительную динамику популярности магических практик сравнительно с «дореволюционной» эпохой. Примечательно, что рост влияния магии происходит в условиях усилившейся пропаганды классического ислама, исконно трактующего колдовство как вредное явление. Правда, некоторые мусульманские богословы занимали относительно магических и оккультных практик не столь ригористическую позицию, как их христианские коллеги. Так, знаменитый Рифа' Рафи' ат-Тахтави включает науку о волшебстве (*ас-сихр*) и талисманах (*ат-тиласмат*), равно как и науку о толковании снов (*та'бир ар-ру'уйа*) и астрологию (*'илм ахкам ан-нуджум*) в общий перечень существующих наук, причем, с его точки зрения, подобные занятия приносят определенную пользу (Ат-Тахтави Р.Р. *Ал-Муриид ал-амин ли-л-банат ва-л-банин*. Каир. Ал-Маджлис ал-ватани ли-с-сакафа, 2002, с. 344).

Далее соискатель рассматривает проблему попыток возрождения сказительства в современном Тунисе на государственном уровне, выделяя как собственно социокультурные, так и экономические мотивы подобной политики.

Наконец, А.Ю. Коровкина анализирует место и роль телевидения в тунисской народной культуре, которое, как подчеркивает автор работы, играет двойную роль – транслятора и трансформатора традиции.

Из моего изложения основного содержания рецензируемой работы, как представляется, явствует, что А.Ю. Коровкина задает следующие параметры тунисской народной культуры (в широком смысле этого понятия): традиционная социальная структура, общественный статус мужчины и женщины (гендерные отношения), роль религии, роль магических верований, феномен сказительства как форма бытования устного фольклора.

Отправной точкой исследования А.Ю. Коровкиной выступает эпоха доколониального Туниса. По всей видимости, автор полагает, что в эпоху протектората изменения народной культуры были весьма незначительны. Думаю, что такая установка нуждается в серьезной проверке. Исхожу из того обстоятельства, что в Русском Туркестане в имперскую эпоху произошли серьезные изменения в сфере народной культуры и «туземного» образа жизни, отмеченные как царскими чиновниками, так и исследователями. Серьезные, системные изменения произошли в тунисской народной культуре постколониальную эпоху. Эти изменения автор прослеживает на основе изучения тех же параметров народной культуры, которые были заданы в главе первой. И, наконец, еще большую степень трансформации народной культуры соискатель отмечает, на основе анализа все тех же параметров в «послереволюционную» эпоху.

Таким образом, при всем обилии материала диссертант проводит единую исследовательскую линию через всю работу. В этом заключается большое достоинство рецензируемого труда. Диссертация написана весьма логично и стилистически весьма хорошо. Ее просто приятно читать.

В Заключении (с. 167 – 168) диссертант подводит итоги осуществленному исследованию и делает вполне логичные и правомерные выводы.

Говоря о Приложениях к работе, хочу отметить, что они содержат материалы, далеко выходящие за рамки отмеченных параметров народной культуры и дают весьма широкое представление о разных сторонах жизни тунисского народа. В Приложениях содержится и документирующая основа диссертации – список информантов, из чьих уст соискатель черпал поистине бесценные сведения. Весьма важным достижением А.Ю. Коровкиной представляется материалы по тунисскому устному фольклору, публикуемые автором.

Полагаю, что все сказанное свидетельствует в пользу необходимости издания рецензируемой диссертации в виде монографии.

Единственное замечание (помимо уже высказанных соображений) сводится к тому, что, с моей точки зрения, соискательнице следовало бы пользоваться академической системой транслитерации арабских имен собственных и прочих реалий, а не передавать их в практической транскрипции. Дело в том, что работа А.Ю. Коровкиной академична в высшем смысле этого слова, и все должно в ней соответствовать этому высокому уровню.

Как бы то ни было, рецензируемая диссертация полностью соответствует требованиям "Положения о порядке присуждения ученых степеней", предъявляемым к работам, выдвигаемым на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография,

этнология

и

антропология.

Реферат работы отражает основные ее положения. Автор диссертации – Анна Юрьевна Коровкина – безусловно, достойна искомой степени кандидата исторических наук по упомянутой специальности.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ФГБУН Институт востоковедения

Российской академии наук

Микульский Дмитрий Валентинович

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт востоковедения Российской академии наук»

Юридический адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

Почтовый адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

Телефон: +7 495 628 11 41

E-mail: ecriture@ivran.ru

